

чувственный образ и объясняется регулярный характер такой метафоры как средства концептуализации данной абстрактной реалии, её статус **ключевой, базовой метафоры**.

Библиографический список

1. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Николай Иванович Жинкин. Язык – речь – творчество. (Избранные труды). Изд-во «Лабиринт», М., 1998. С. 146 – 162.
2. Илюхина Н.А. Образование и функционирование когнитивной метафоры в аспекте осознаваемости-неосознаваемости говорящим // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. № 8/1 (99). С. 111 – 118.
3. Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологические и когнитивные аспекты. Монография. Изд-во Palmarium Academic Publishing, 2012. 184 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Л.Б. Карпенко (Российская Федерация, г. Самара)

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Пространство, являясь важнейшей онтологической категорией, не может не иметь многоуровневой языковой вербализации. В русском языке оно находит свое отражение в категории локативности (пространственности), получающей формальную репрезентацию на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях. В высказывании *Мы выходили из дому и спускались с горы* задействованы средства всех этих уровней. Не только пространственность в русском языке подробно детерминируется языковыми средствами разных уровней, но данная понятийная категория служит основой для оформления других понятийных сфер (временной, причинной, целевой, сферы восприятия, характеристики ментальной деятельности человека и др.).

Лингвистический аспект категоризации пространственности состоит в определении степени ее «присутствия» в языковой картине мира и выраженности в языке. Понятие *картина мира* относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику взаимоотношений человека с миром. В широком смысле

картина мира – это отраженная в сознании человека (культуре, языке) картина восприятия мира, «достаточно детализированная схема действительности, представленная в сознании носителей языка» [Яковлева 1994: 308]. Понятие *языковой картины мира* восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и к идеям американской этнолингвистики, к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Данное понятие сегодня можно считать устоявшимся в лингвистике. Под *языковой картиной мира* понимается отраженная в языке совокупность представлений человека о мире, определенный способ концептуализации действительности, исторически сложившийся в сознании народа. В этом плане языки отличаются друг от друга, имея даже общее происхождение, они могут значительно расходиться в языковых картинах мира, в том числе в способах языковой концептуализации и языковой репрезентации пространственных отношений. Наглядно различие концептуализации родственными языками идентичных пространственных ситуаций иллюстрируют примеры с соотношением русского предлога ЗА и болгарского ПРЕД, которые состоят по исходному значению в отношениях антонимических:

Русск.: *Брат мой Василий, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет... сидеть часами за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес (А.Чехов).*

Болг.: *Той ще седи по цели часове на пейката **пред вратата** и ще се любува на полето и гората.*

Сравните также следующие устойчивые выражения: *сидеть за роялем, за столом* и болг.: *сedia **пред рояла, пред масата**...*

Использование ситуативно соотнесенных предлогов-антонимов показывает возможность двух подходов в интерпретации одной и той же пространственной ситуации: с учетом позиции говорящего в русском тексте и без учета позиции говорящего – в болгарском (ориентация относительно фасада объекта).

Можно назвать, по крайней мере, три существенных фактора, обуславливающих различия в языковой интерпретации пространственной картины мира:

1) особенности реальных пространственных условий, в которых проживают носители данного языка (территория расселения, своеобразие ландшафта, природных условий и под.);

2) избирательность процесса отображения, на котором основано функционирование языка;

3) особенности системных свойств языка, его лексико-грамматических ресурсов.

Выявленная в наших исследованиях на материале русских и болгарских текстов закономерность, заключающаяся в ориентации русского языкового сознания на последовательную максимальную экспликацию в высказывании пространственных отношений, содержащихся в отображаемой реальной ситуации [Карпенко 1982: 38], обусловлена, очевидно, первым из названных факторов – той значительной ролью, которую играет пространство в жизни носителей русского языка. В русском языковом сознании получил отражение сформировавшийся интерес к пространству. Показательны побудительные реплики диалогического русскоязычного дискурса: *Поддай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место!* и под. В них регулярно используются локализаторы, определяющие предметно-пространственную ситуацию речевого акта.

Сопоставительный анализ параллельных русских и болгарских текстов обнаруживает более высокую частотность использования единиц пространственной семантики в русском языке по сравнению с болгарским. Большая выраженность пространственных отношений в русском языке отмечена и при сравнении его с такими языками, как английский и французский [Гак 1979: 18]. Следствием этой закономерности является и функционирование в русском языке в качестве типовой синтаксической модели предложений экзистенциального типа с характерными для них пространственными локализаторами. Локализатор в предложениях такого типа имеет конкретную пространственную референцию, имена бытующих предметов имеют понятийную референцию (*В мире много интересных мест, В России много лесов и рек*). В предложениях экзистенциальной семантики регулярно используются в качестве пространственного определителя формы локатива с предлогами В и НА (*Жили на свете старик со старухой*).

Второй из отмеченных факторов, обуславливающих различия в языковой интерпретации пространственной картины мира, – избирательность процесса отображения. Свойство избирательности присуще любому языку как отображающей системе. Параллельные двуязычные оригинальные и переводные тексты представляют случаи различной синтаксической интерпретации предметно-пространственных отношений, которые находят свое объяснение именно в языковой избирательности, когда прямому обстоятельству способу выражения пространственности в одном из языков (как правило, в русском) соответствует косвенное их выражение в другом. К таким случаям относятся, например, следующие соотносительные структуры:

Болг.: *Едното ми ухо писна, като че нахлу вятър в него (К.Калчев).*

Русск.: *В одном ухе зазвенело, словно его продуло ветром.*

Болг.: *Всичко виждат селските пастирчета: и вълк **прекосява гората**, и лисица играе с малките си...* (К.Калчев).

Русск.: *Все видят деревенские пастушата: и как **пробирается лесом** волк, и как лисица играет с лисенятами.*

Субъектной и объектной структурам болгарского исходного текста соответствуют обстоятельственные конструкции в русском переводе. Сложный, комплексный характер межпредметных отношений обуславливает возможность различного грамматического обозначения их средствами двух языков, дифференцированно фиксирующими оттенки реальных отношений. В первом примере предмет (ухо), представленный в болгарском тексте как субъект-носитель активного признака (ухо «пискнуло»), в русском тексте интерпретируется как место, в пределах которого распространяется данный признак. Во втором примере наблюдаются различия в семантико-грамматической интерпретации понятия пути движения: предмет, характеризующийся пространственной протяженностью (лес), представлен в болгарском тексте как объект воздействия, охватываемый движением волка (прекосява гората), а в русском – как трасса движения (пробирается лесом).

Наконец, обуславливают различия в языковой интерпретации пространственной картины мира и особенности системных свойств языка. Специфика приемов экспликации пространственных отношений в русском языке определяется его флективным характером. Для русского языка свойственно абсолютное преобладание прямого способа передачи пространственных отношений с использованием богато нюансированной системы предложно-падежных средств. В современном русском языке предложно-падежная форма обладает средствами не только предложного, но и падежного разграничения пространственных отношений. Наиболее общие, категориальные пространственные отношения направления (куда?) и места (где?) противопоставлены именно падежными формами. Пространственные отношения где? – откуда? и куда? – откуда? противопоставляются совместно и предлогами, и падежами. По потенциям дифференцировать пространственные отношения русские падежи и предлоги представляют собой строго организованную систему грамматических средств, часть из которых маркирована в выражении локальности определенного типа, а другие могут выражать больше чем один тип пространственных отношений. Как нами установлено, в пространственных предложно-падежных формах падежи и предлоги сочетаются строго закономерно: слабый (не маркированный) падеж сочетается с сильными (маркированными) предлогами, а слабый предлог сочетается с сильным (маркированным) падежом. Так, в сочетании с родительным

падежом, участвующим в выражении пространственных отношений всех трех типов (где?– куда? – откуда?), используются предлоги, способные выразить отношения только одного определенного типа. А предлоги В и НА, способные выразить и местное, и направительное значение, сочетаются с маркированными, сильными по потенциям дифференцировать пространственные отношения, винительным и предложным падежами. Таким образом, в любой пространственной предложно- падежной форме современного русского языка есть по крайней мере один маркированный член. В целом любая предложно-именная пространственная конструкция русского языка является автосемантической синтаксической единицей, способной в отрыве от контекста сигнализировать о том, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений она участвует: из-за(+) стола, от(+) стола, к(+) столу, до(+) стола, в стол(+), на стол(+), в столе(+), у(+) стола, над(+) столом... Основные пространственные предложно-именные конструкции русского языка образуют симметричную парадигматически организованную систему моделей специализированных в выражении одного из трех типов локальных отношений: места действия, направления перемещения от ориентира, направления перемещения к ориентиру.

Таким образом, русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира, моделирует ее в динамическом развертывании и с детализацией реальных предметно-пространственных отношений, которую позволяют обеспечить его богатые лексико-грамматические ресурсы. Свойственная русскому языку пространственная модель служит организующей схемой оформления мысли, своеобразной матрицей, отражающей взгляд на мир. Такой получивший закрепление в языке «общий взгляд» включает и гоголевская афористичная фраза: «Русь, куда ж несешься ты?». Мысль, вопрошающая о духе народа, философии его мировидения, отразилась во фразе, построенной по модели пространственной направительной конструкции.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ // Тетради переводчика. Вып.16.М.: Изд-во «Международные отношения», 1979.С.11-21.
2. Карпенко Л.Б.К сопоставительному изучению единиц пространственной семантики русского языка (в зеркале болгарского) // Вопросы русского языкознания. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1982.С. 31-42.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 343 с.